

Воспоминанія графа Константина Константиновича Венкендорфа о кавказской лѣтней экспедиціи 1845 года.¹⁾

(Souvenir intime d'une campagne au Caucase pendant l'été de 1845).

Въ описываемую мною эпоху, въ 1845-мъ году, графъ Воронцовъ, по моей просьбѣ, поручилъ мнѣ командованіе баталіономъ и совершенно случайно я получилъ I-ый баталіонъ Куринскаго егерскаго полка, одного изъ лучшихъ полковъ Кавказской арміи. Это обстоятельство привело меня въ восторгъ тѣмъ болѣе, что въ 1842-мъ году я прослужилъ въ полку 5 мѣсяцевъ подрядъ и у меня установились съ чинами полка дружескія отношенія; даже у нижнихъ чиновъ я оставилъ хорошую память, такъ какъ, однажды, когда карабинерная рота полка, неудачно заведя дѣло и очутившись далеко отъ какой-либо поддержки, со всѣхъ сторонъ была окружена противникомъ и уже почти погибала подъ ударами чеченцевъ, тогда мои казаки, по счастью, въ-время явились на выручку роты. На войнѣ же войска особенно цѣнятъ такія дружескія услуги; солдатъ же никогда не стыдится сознаться, что его выручили.

Когда я пріѣхалъ въ *Андреево* и принялъ свою должность, всѣ тѣ, кто служилъ въ это время въ баталіонѣ, встрѣтили меня съ тѣми особыми дружескими восклицаніями, которыя въ русской арміи заключаютъ въ себѣ нѣчто трогательное и устанавливаютъ какое-то особое сыновнее отношеніе части къ своему командиру²⁾.

¹⁾ См. „Русская Старина“ апрѣль 1910 г.

²⁾ Очень характерное впечатлѣніе и наблюденіе отношеній, присущихъ старой Кавказской арміи, въ чемъ и была ея сила. Можетъ быть, что встрѣча эта, съ точки зрѣнія преобладающихъ тогда у насъ въ Россіи воззрѣній, и показалась бы странной, но на Кавказѣ форма вообще мало значила, готовились не къ смотрамъ, а къ смертному бою и потому духовная сторона стояла на первомъ планѣ.

Б. Кол—ъ.

Въ общемъ, я нашелъ передъ ротами хорошихъ командировъ. Первой карабинерной ротой командовалъ капитанъ *Пассьеть*, человекъ еще молодой, кроткій и скромный, краснѣющій, какъ молодая дѣвушка, но могучій какъ левъ, когда нужно было нанести ударъ. Его рвеніе и разумъ издавна приучили его ко всѣмъ требованіямъ Кавказской войны и приобрѣли ему всѣ необходимыя качества: неустанную бдительность, способность предугадывать опасность, быстро принимать рѣшенія, энергію исполненія дѣла и всегда холодное и спокойное мужество ¹⁾).

Для пѣхоты эта война заключается большей частью въ поддержаніи ружейнаго огня, т. е. въ перестрѣлкѣ на болѣе или менѣе близкихъ разстояніяхъ. Эта перестрѣлка ведется на маршѣ или на мѣстѣ, будучи болѣе или менѣе тревожима противникомъ, который пользуется малѣйшей оплошностью, особенно же минутами какихъ-либо замѣшательствъ. Служба пѣхотнаго офицера въ бою преслѣдуетъ одновременно двѣ задачи: одна заключаетъ въ себѣ обязанности по отношенію своего прикрываемаго отряда, когда, по просту говоря, необходимо стоять стѣной, грудью, принимая на себя непріятельскій огонь и ограждая отъ него прикрываемыя и сзади расположенныя части; другая задача—обязанности по отношенію чиновъ непосредственно ввѣренной офицеру части, когда долгъ человека и офицера обязываетъ его оберегать эту часть и, по всей возможности, беречь жизнь солдата.

Въ соображеніи и исполненіи этихъ задачъ и заключается обыкновенно служба пѣхотнаго офицера въ бою.

Какъ! Скажутъ мнѣ! Но вѣдь приходится зачастую идти въ штыки, предпринимать наступленія, брать непріятельскія позиціи, наконецъ,—атаковать!

Да, конечно и это случается, но въ серіи наиболѣе дѣйствительныхъ трудовъ подобной войны, эти обстоятельства представляютъ явленія наиболѣе краткія, наиболѣе занимательныя и веселыя и наиболѣе легкія. Къ тому же здѣсь стимулъ побѣды дѣйствуетъ менѣе, чѣмъ гдѣ-либо, и на Кавказѣ скоро проходитъ увлеченіе блескомъ атаки, когда наличный опытъ убѣждаетъ, что послѣдствія подобной атаки никогда не дадутъ никакихъ реальныхъ результатовъ.

Держаться на занимаемомъ мѣстѣ, оборонять его или оставлять—вотъ въ чемъ заключаются трудности войны и вотъ что составляетъ камень преткновенія для многихъ репутацій. Я получилъ свой Георгіевскій крестъ за одинъ успѣшный штурмъ, и это меня огорчало, и я гордился бы гораздо болѣе получить таковой за блиста-

¹⁾ Превосходная оцѣнка качествъ боеваго офицера.

тельно исполненное отступленіе, но статутъ этого ордена не предусматриваетъ, что этотъ послѣдній случай заслуживаетъ такой чести, и въ этой войнѣ этимъ орденомъ не награждаются лучшіе виды воинской доблести, а потому наиболѣе выдающіеся и храбрѣйшіе офицеры не получаютъ этого креста, что особенно примѣнимо къ офицерамъ, служащимъ на Чеченскомъ театрѣ дѣйствій.

Нужно имѣть честное и благородное сердце, чтобы удовольствоваться проявленіемъ только хладнокровія и спокойнаго и пассивнаго мужества, а между тѣмъ именно эти качества и представляютъ наибольшія заслуги строевого офицера Кавказской арміи; особенно необходимо здѣсь нравственное мужество и, чтобы подолгу выдерживать и тянуть подобную службу, нужно забыть всякое другое существованіе. Но, зато никто не пользуется на Кавказѣ такимъ глубокимъ уваженіемъ, какъ хорошій боевой офицеръ.

Офицеръ, о которомъ я веду рѣчь, не требовалъ въ этомъ отношеніи ничего лучшаго и на-ряду съ своими качествами былъ настоящимъ отцомъ и кумиромъ роты, которой никогда не видать лучшаго командира!.. Послѣ того многіе изъ старыхъ усачей этой роты вскорѣ послѣдовали въ лучший міръ за своимъ отцомъ-командиромъ, такъ какъ храбраго *Пассьета* нѣтъ болѣе въ живыхъ. Онъ умеръ той безвѣстной и безъ славы смертью, которую много героев находятъ на Кавказѣ: спрятавшійся за дерево горецъ всадилъ ему пулю въ ногу съ раздробленіемъ кости и, быть можетъ, ампутація ноги и спасла бы ему жизнь, но подъ руками не было ни хирурга, ни инструментовъ и послѣ восьмидневнаго тасканія съ бивака на бивакъ, подъ непрестаннымъ снѣгомъ и дождемъ, его доставили, наконецъ, въ госпиталь, когда ампутація ноги уже не имѣла смысла, и бравый *Пассьетъ* отдалъ Богу душу.

Но память о немъ пережила его, и кто зналъ его такъ близко, какъ я, считающій себя счастливымъ воздать должное памяти боевого товарища, тотъ никогда его не забудетъ; увѣренъ, что и карабинеры его роты все еще его оплакиваютъ, а что можетъ быть трогательнѣе слезы благодарности стараго солдата ¹⁾. 1-ой егерской ротой ²⁾ командовалъ офицеръ, о которомъ мало что можно сказать, и онъ умеръ отъ ранъ, полученныхъ въ этомъ походѣ.

2-ой егерской ротой командовалъ *Эссенъ*, старый офицеръ, застрѣвшій въ этой должности и въ чинѣ и представлявшій въ этомъ

¹⁾ Въ этотъ походъ кап. *Пассьетъ* также былъ раненъ, но здѣсь ли погибъ или уцѣлѣлъ ли здѣсь и окончательно погибъ только нѣсколько лѣтъ спустя, остается неизвѣстнымъ.

²⁾ Въ егерскихъ полкахъ того времени первыя роты каждаго баталіона назывались карабинерными и сохраняли номеръ своего баталіона, остальные роты назывались егерскими.

отношеніи рѣдкій примѣръ въ арміи, гдѣ движеніе по службѣ идетъ довольно быстро; Эссенъ командовалъ ротой еще въ сраженіи подъ Краономъ (въ 1814-мъ году). Огромнаго роста, геркулесовскаго сложенія, съ бѣлой—какъ лунь—головой, не имѣя по выносливости никого среди насъ себѣ равнаго, Эссенъ шель всегда пѣшкомъ, во главѣ своихъ егерей; о немъ рѣчь будетъ еще впереди.

3-ей егерской—командовалъ офицеръ, хорошо извѣстный на Кавказѣ—*Николай Петровичъ Колюбакинъ* ¹⁾. За 10 лѣтъ его пребыванія на Кавказѣ, его всегда цѣнили за его дѣйствительно замѣчательный умъ и, одновременно, избѣгали за неуживчивость съ кѣмъ бы то ни было; его прозвали „львомъ рыкающимъ и кидаящимся“ („le lion rugissant et bondissant“). Я его изучилъ съ двухъ сторонъ и кончилъ тѣмъ, что отлично съ нимъ поладилъ и относился къ нему съ участіемъ и дружески. Я знаю, что и онъ искренно платилъ мнѣ тѣмъ же. Я не буду говорить о тѣхъ якобы обязательствахъ, которыя онъ питалъ ко мнѣ, а перейду къ главному обстоятельству—онъ относился ко мнѣ съ большимъ уваженіемъ, вотъ почему мы съ нимъ и поладили, такъ какъ Колюбакинъ сдерживался только передъ тѣми, кого онъ уважалъ, и въ этомъ послѣднемъ отношеніи онъ былъ чрезвычайно разборчивъ. Кромѣ меня, замѣчу, отбрасывая всякую скромность, что онъ оказывалъ эту честь не болѣе, какъ 4—6 лицамъ. Его необщительность создала ему массу враговъ и много вредила ему по службѣ, что однако не мѣшало тѣмъ, кто нуждался въ его помощи, въ его указаніяхъ и въ его талантахъ, терпѣливо переносить его, такъ какъ Колюбакинъ, по своему образованію,—умѣнью владѣть перомъ, знанію края и по своему разумному и испытанному умѣнью обращаться съ туземцами, безспорно являлся однимъ изъ наиболѣе выдающихся офицеровъ Кавказа ²⁾. вмѣстѣ съ тѣмъ это былъ офицеръ блистательной храбрости; весь покрытый ранами, изъ конхъ, къ сожалѣнію, треть имъ была получена на дуэляхъ, онъ былъ постоянно въ поискахъ за новыми.

¹⁾ Н. П. Колюбакинъ до описываемыхъ событій былъ уже два раза разжалованъ въ рядовые, послѣдній разъ изъ Гродненскаго гусарскаго полка, и послѣдній разъ выслужился въ офицеры изъ Нижегородскаго драгунскаго полка. Къ 1845-му году онъ дослужился уже до капитанскаго чина и, числясь адъютантомъ ген.-адъют. Аврепа, по своему усиленному ходатайству, участвовалъ въ этомъ походѣ.

Графъ Воронцовъ тогда же обратилъ на него большое вниманіе.

Б. К—з.

²⁾ Такъ называемый — немирной Колюбакинъ, впоследствии—управ. Мингрелію, Сухумск. воен. окр.,—эриванскій воен. губ.,—кутаисскій воен. губерн. и съ 1868 г.—сенаторъ въ Москвѣ. См. о немъ „Русск. Арх.“ и „Русск. Старина“.

Я не буду останавливаться на прочих офицерах баталіона, между которыми я обрѣлъ одного преданнаго друга, бывшаго моимъ спасителемъ цѣной собственной жизни.

Всего въ баталіонѣ было 10 человекъ офицеровъ и, кромѣ того, къ нимъ же была причислена значительная партія юнкеровъ, находившихся подъ общимъ попеченіемъ капитана Пассьета.

Особая, присущая Кавказу, категорія такъ называемыхъ „несчастныхъ“, къ счастью, не была многочисленна. Этими „несчастными“ называли здѣсь тѣхъ, кто, принадлежа къ высшему классу общества, ссылался сюда на службу, рядовыми, за всякаго рода провинности. Необходимо замѣтить, что ореоломъ этой категоріи служила добрая память, оставленная еще декабристами и ссыльными послѣ возстанія 1830-го года поляками.

Участь ихъ была значительно смягчена. На Кавказѣ было принято (считалось порядочною) относиться къ нимъ внимательно и предупредительно, возможно облегчая имъ выходъ изъ ихъ положенія. Подобное отношеніе, исходя конечно изъ благородныхъ и великодушныхъ побужденій и желанія облегчить несчастныхъ, доходило однако до крайности. Лица этой категоріи не только не были полезными, но, наоборотъ, были сущей обузой своимъ начальникамъ, особенно теперь, когда составъ этой категоріи измѣнился къ худшему.

Но добрая память, оставленная многими изъ ихъ предшественниковъ, возвращенныхъ теперь родинѣ и семьѣ, сохранила еще такую силу, что нынѣшніе долго еще будутъ пользоваться этими счастливыми и выгодными для ихъ положенія воспоминаніями.

31-ое мая было назначено днемъ открытія кампаніи.

Въ русской арміи всякое военное предпріятіе начинается съ благословенія церкви. Войска, построенныя колоннами, составили квадратъ, центръ котораго былъ занятъ служившимъ молебствіе церковнымъ причтомъ.

По окончаніи богослуженія, полковые священники обошли разступавшіеся передъ ними ряды и окропили святой водой, начиная съ главнокомандующаго и кончая послѣднимъ рядовымъ. Барабаннымъ боемъ закончилась церемонія и, я думаю, не одна теплая молитва вознеслась къ небу.

Солдаты искренно отдается религіозному настроенію, но это настроеніе не можетъ быть однако продолжительнымъ. Лишь только закончилась церемонія, какъ фуражки были лихо заломлены на бекрень, одежда и снаряженіе было прилажено и переложено „по походному“, пѣсельники вышли передъ роты, плясуны съ ужимками

и гримасами пошли продѣлывать свои скачки и прыжки; въ мгновенъе бубны, цимбалы, дудки и треугольники вынуты изъ ранцевъ, гдѣ эти символы солдатской утѣхи всегда найдутъ себѣ мѣсто съ сухарнымъ запасомъ и смѣной бѣлья.

Запумѣли бубны и всѣ, кто умѣлъ, красивыми и звонкими голосами затянули родныя пѣсни—неизмѣнныя спутницы солдата на походѣ.

Весело выступать въ походъ съ доблестными войсками и идешь на войну, какъ бывало въ 18 лѣтъ идешь на любовное свиданіе.

Такъ какъ я только-что принялъ баталіонъ, то долженъ былъ пройти черезъ обрядъ вступленія въ должность и обрядъ солдатскаго одобренія, а потому подвергнуться во всѣхъ 4-хъ ротахъ и по очереди нѣжному качанію сильными солдатскими руками.

Таковы традиціонные обычаи нашей арміи и нужно весьма остерегаться ихъ затрагивать, такъ какъ съ ними тѣсно связаны всѣ наши славныя воспоминанія.

Все было уже въ движеніи, такъ какъ все рассказываемое происходило на маршѣ. Мы проходили по открытой мѣстности, и такъ какъ вовсе не предвидѣлось близости противника, то наиболѣе надежныя части (къ числу коихъ принадлежалъ и 1-й баталіонъ Куринцевъ) двигались въ срединѣ колонны ¹⁾. Насъ берегли для дѣла.

Я предоставилъ своимъ людямъ веселиться вволю.

Слово—экспедиція или походъ, послѣ болѣе или менѣе продолжительнаго отдыха, привѣтствуется нашими кавказскими войсками съ тѣмъ же чувствомъ радости, съ какимъ, по возвращеніи съ похода, они встрѣчаютъ привѣтливныя станицы по надъ Терекомъ, съ ихъ красавицами-казачками и ихъ добрымъ виномъ, что составляетъ по истинѣ Капую этихъ мѣсть для кавказскаго офицера и солдата ²⁾.

Налѣво, передъ нами, развертывалась Кумыкская плоскость, а направо, въ отдаленіи, высились лѣсистыя высоты *Салатау*, покрытыя въ нижней части своихъ сѣверныхъ склоновъ зловреднымъ кустарникомъ „держи-дерева“, злѣйшимъ врагомъ всякой шерстяной одежды, особенно шароваръ.

Мы слѣдовали вдоль подножія этихъ горъ вплоть до стариннаго аула *Чиръ-Юртъ*, бывшаго въ развалинахъ послѣ осенняго похода

¹⁾ Къ этой категоріи наиболѣе надежныхъ частей прежде всего слѣдуетъ отнести *Кабардинцевъ* и *Куринцевъ*, а затѣмъ и *Навагинцевъ* и *Аншеронцевъ*, это были старыя кавказскія войска, остальные же части пѣхоты составили полки 5-го пѣх. корпуса, специально для этого похода прибывшіе изъ Россіи.

²⁾ Во главѣ этихъ станицъ должна быть поставлена знаменитая *Червленая*, затѣмъ идутъ *Щедринская* и *Шелкозаводская* и др.

Шамяля въ 1843-мъ году, а затѣмъ достигли береговъ р. *Койсу*, получающей отсюда названіе Сулака. Пробивъ себѣ, за Чирь-Юртомъ, путь черезъ гранитныя массы, рѣка эта, помощью которой всѣ воды внутренняго окруженнаго горами бассейна (средній и сѣверный Дагестанъ) несутся къ морю, у Чирь-Юрта оставляетъ позади себя послѣдніе контрфорсы горъ и бѣжитъ по равнинѣ Кумыкской плоскости. Здѣсь повернули мы круто направо, навсегда покинувъ равнину, и углубились въ скалистую тѣснину, слѣдующую направленію рѣки. Мы слѣдовали по довольно удобной старой военной дорогѣ, проложенной еще въ тѣ времена, когда край этотъ былъ мирный и спокойный, и не было опасеній разрушительныхъ набѣговъ скопищъ Шамяля.

Графъ Воронцовъ приказалъ разбить палатки главной квартиры у самаго входа въ тѣснину и тамъ же впоследствии возвелъ онъ укрѣпленіе съ цѣлью, какъ обезпеченія безопаснаго здѣсь перехода тѣсины, такъ и обезпеченія кратчайшаго сообщенія отряда съ крѣпостью *Внезапной* и основаніемъ нашихъ дѣйствій *Темиръ-Ханъ-Шурой*. Я съ своимъ баталіономъ пошелъ впередъ, чтобы присоединиться къ авангарду подъ начальствомъ генерала *Безобразова*, расположенному въ 3-хъ верстахъ выше, по теченію рѣки, и на который было возложено, пользуясь ночью, возстановить небольшой, сожженный противникомъ, мостъ и разработать нѣсколько участковъ дороги, которая, пролегая на тѣсномъ пространствѣ скатовъ горъ и рѣки, была размыта дождемъ.

Первый начальныи ночлегъ похода никогда не бываетъ удачнымъ: люди не умѣли поставить наши двѣ палатки и не умѣли примѣниться къ походнымъ условіямъ въ великомъ дѣлѣ приготовленія ужина, въ чемъ позднѣе они достигли столь похвальной и благодѣтельной сноровки.

Что за блаженныя минуты—время походнаго ужина! Обыкновенно, за цѣлый день, это единственное время ѣды! Какъ хорошо идетъ за этимъ ужиномъ бесѣда! Какое проявляютъ здѣсь всѣ остроуміе! Однако, въ этотъ день этихъ блаженныхъ минутъ пришлось ждать довольно долго. Правда, что и погода не благопріятствовала стряпнѣ на открытомъ воздухѣ: дождь падалъ крупными каплями, и мой поваръ Семень, бывшій поваренокъ моего покойнаго дяди графа Бенкендорфа, первый разъ въ своей жизни готовилъ въ кухнѣ, не имѣвшей крыша и ничѣмъ не прикрытой отъ вліяній непогоды, и онъ совершенно растерялся. Къ счастью, подвернулся ему на подмогу молодчина Андрей. Андрей—лакей моего пріятеля Лобанова—типъ кавказскаго слуги, чему значительно способствовало пятилѣтнее

полное опасностей странствованіе его господина по самымъ дикимъ и неизвѣстнымъ частямъ Кавказа. Бѣдняга, что называется, прошелъ огонь и воду, а потому прибрѣлъ знанія условій соединенія этихъ двухъ элементовъ для приготовления супа на бивакахъ.

Андрей—чудо своего рода, что онъ неоднократно и проявлялъ въ теченіе всего времени этого тягостнаго похода, и съ этимъ чудомъ, со всѣми этими совершенствами Лобановъ разлучился—онъ уступилъ его мнѣ по дружбѣ. Это была настоящая жертва, такъ какъ хорошій слуга въ походѣ—неоцѣнимое сокровище. Онъ явился мнѣ очень кстати! Передъ моимъ отъѣздомъ изъ Петербурга, мой старый лакей заболѣлъ, и такъ какъ онъ не могъ меня сопровождать, то я искалъ себѣ другого. Однажды, выходя изъ-за стола у князя Эспера Бѣлосельскаго-Бѣлозерскаго, такъ печально вскорѣ умершаго, ко мнѣ подошелъ одинъ изъ его ливрейныхъ лакеевъ и сообщилъ мнѣ, что я долженъ его знать, такъ какъ въ кампанію 1836-го года онъ служилъ у одного изъ моихъ товарищей, убитаго въ этотъ періодъ въ долину *Баксана*, и къ этому добавилъ, что онъ просится ко мнѣ въ услуженіе и тѣмъ охотнѣе, что онъ хочетъ еще разъ поклониться праху своего господина, похороненнаго въ Анапѣ.

Мнѣ это понравилось, и я подумалъ: „вотъ, въ самомъ дѣлѣ, хорошій человекъ“. Могу сказать, дѣйствительно, онъ оказался такимъ и, даже скажу больше,—онъ былъ достоинъ райскаго блаженства, но не былъ созданъ для доставленія мнѣ такового же.

Лишь только принялъ я его услуги, какъ оказалось, во-первыхъ, что онъ носитъ мое имя—Константина, что мнѣ немедленно испортило расположеніе духа, во-вторыхъ, что его глупость превосходитъ всякія границы. Промучившись съ нимъ около 2-хъ мѣсяцевъ, я убѣдился, что во время похода онъ будетъ для меня сущей обузой, а потому я его устроилъ на полномъ содержаніи у казаковъ Червленной станицы. Вернувшись съ похода, я нашелъ его болѣе чѣмъ когда-либо потолстѣвшимъ и разжирѣвшимъ и чревомъ и разумомъ.

Въ полученномъ же мною Андрее я нашелъ прямо сокровище.

Со мной въ одной палаткѣ жилъ мой другъ *Шеппингъ*¹⁾. Нашъ домашній персоналъ составляли: денщикъ Шеппинга, Андрей, поваръ Семень и гребенскій казакъ для ухода за моими лошадьми. Къ этому кадровому составу не преминули присоединиться—баталіонный горнистъ *Игумновъ* и нѣсколько барабанщиковъ, лица, которыя, въ силу оказываемыхъ ими разныхъ маленькихъ услугъ и свойственнаго имъ аппетита, обыкновенно присосѣживались къ походному котлу баталіоннаго командира.

¹⁾ Поручикъ конной гвардіи, спасъ позднѣе автора похода отъ вѣрной смерти, но и самъ былъ убитъ въ этомъ походѣ.

За моимъ столомъ всегда ставилось отъ 4-хъ до 8-ми приборовъ, и каждый разъ, когда отрядъ получалъ довольствіе, я уже ни въ чемъ не нуждался.

Таковъ былъ мой домашній обиходъ.

Въ этотъ вечеръ, несмотря на палатку, мы продолжали мокнуть до костей и равно не истощалась, несмотря на наши аппетиты, и появившаяся, наконецъ, миска. Я припоминаю, что въ этотъ вечеръ, въ числѣ моихъ гостей, находился нѣкій *Едлинскій*, бывший офицеръ австрійской службы ¹⁾. Онъ получилъ порученіе отъ генерала Безобразова сообщить въ главной квартирѣ, что возстановленіе моста исполнено войсками авангарда и что остальные работы, несмотря на дождь, будутъ закончены къ утру. Мы находились въ 3-хъ верстахъ отъ главной квартиры, и Едлинскому, прежде, чѣмъ до нея добраться, нужно было два раза пройти черезъ наши передовые посты, такъ какъ авангардъ и главные силы, будучи расположены отдѣльно, отдѣльно и охранялись.

Темень была адская и дождь лилъ не переставая, а потому понятно, что бѣдняга не особенно-то былъ польщенъ порученіемъ. „Мнѣ рѣшительно все равно, если я встрѣчу непріятели, шатающагося у нашихъ лагерей“, говорилъ Едлинскій, „но я только не желалъ бы быть подстрѣленнымъ своими“. Колюбакинъ сталъ ему доказывать, что въ сущности это совершенно безразлично. „Ну, нѣтъ“, продолжалъ Едлинскій, „если случится послѣднее и это дойдетъ до Вѣны, то тамъ будутъ смѣяться не только надо мной, но и надъ моимъ братомъ, а у него семья, и мнѣ это будетъ очень обидно“.

На утро слѣдующаго дня мы продолжали слѣдовать вверхъ по Койсу до *Міатлы*, гдѣ тѣснина расширяется, чѣмъ и воспользовались для второго ночлега.

Вся эта страна когда-то была очень населена. Разведенные

¹⁾ Артуръ Альбертовичъ, впервые появившійся въ Россіи и привезенный на Кавказъ Воронцовымъ, былъ сводный братъ графини Воронцовой (рожд. графиней Браницкой). Едлинскій былъ знаменитъ своими каламбурами и остротами на весь Кавказъ; остроты были подчасъ очень злы и мѣтки и его побаивались, хотя онъ и былъ общимъ любимцемъ. Остроты и каламбуры Едлинскаго весьма характерны, и за 30 лѣтъ его службы ихъ набралось очень много; ихъ стоитъ собрать. Оставивъ Кавказъ въ срединѣ 70-хъ годовъ, Едлинскій пріютился у фельдмаршала князя А. И. Барятинскаго въ Скерневицахъ, гдѣ фельдмаршалъ доживалъ свой вѣкъ, и на первое же привѣтствіе князя, по своему пріѣздѣ, не замедлилъ отвѣтить ему злой остротой.

здѣсь, по преимуществу армянами, виноградники составляли главное богатство края. Въ настоящее же время все носило на себѣ печать разрушенія. Населеніе бѣжало, жилища раззорены, и виноградныя лозы, разстилаясь по землѣ, перемѣшались сорными травами. Мой баталіонъ шелъ снова въ резервъ. Непрiятель нигдѣ не показывался.

Проходя около горячаго источника, обильно наполняющаго родъ естественнаго бассейна, я разрѣшилъ желающимъ погрузиться. Въ мгновеніе ока весь баталіонъ очутился голъ, какъ праотець Адамъ. Рѣдко, что такъ полезно, и что такъ любить нашъ солдатъ, какъ горячую баню и въ походѣ всегда стараются доставить ему это удовольствіе.

Русскій человѣкъ сложенъ атлетомъ: хорошо развитая грудь, широкія плечи, тонкая талія, скорѣе маленькая, чѣмъ большая голова и обыкновенно длинныя ноги, все это, въ общей совокупности, сообщаетъ его фигурѣ извѣстную грацію и типичность.

Моя палатка была красиво разбита на берегу небольшого ручья.

Одна изъ моихъ ротъ, 4-ая, была выдѣлена (вправо) и занимала наблюдательный пунктъ на довольно значительной высотѣ, которая командовала всей мѣстностью вправо. Помню, что, послѣ обѣда, взявъ палку съ желѣзнымъ наконечникомъ, безъ которой въ Дагестанѣ нельзя ступить шагу, я пошелъ ее осматривать. Я встрѣтилъ Его Высочество принца Гессенскаго, избравшаго цѣлью своей прогулки ту же высоту, такъ какъ было очевидно, что съ нея открываются прекрасныя виды.

Оттуда, съ высоты птичьяго полета, была видна вся зеленая долина съ извивающеюся на ней рѣчкой, испещренная красивыми группами деревьевъ и бѣлыми палатками, оживленная тѣми разнообразными группами, которыя порождаются скопищами людскихъ массъ, и эти группы, особенно на Кавказѣ, принимаютъ причудливыя формы¹⁾. Человѣкъ очень скоро примѣняется здѣсь къ характеру страны; все принимаетъ живописный оттѣнокъ. Какое замѣчательно красивое зрѣлище для глазъ и воображенія всѣ эти кавказскіе виды; зрѣлище, особенно поразительное для тѣхъ, кто впервые вырвался изъ холоднаго однообразія большихъ городовъ.

¹⁾ Въ данномъ случаѣ это разнообразіе и пестрота формъ группъ происходила еще вслѣдствіе разнородности состава отряда, въ который входили, помимо частей пѣхоты и артиллеріи кавказскихъ войскъ и пришедшихъ изъ Россіи, еще и казачьи части всѣхъ видовъ казачества Кавказа и Дона и всѣ виды нашихъ милицій Кавказа, какъ изъ Грузіи, Имеретин, Мингреліи, Осетин, такъ и покоренныхъ нами—Кабарды, такъ называемыхъ татарскихъ дистанцій Закавказья и кончая особо пестрыми курдами, давшими Дигорскую милицію.

Солнце жгло нестерпимо. Достигнувъ расположенія роты, мы зашли въ находящуюся по близости пещеру, съ цѣлью нѣсколько освѣжиться. Первое, что насъ поразило въ этой пещерѣ, это исполненный на стѣнѣ углемъ рисунокъ, изображающій кавказскаго горца, падающаго подъ ударами штыка солдата Куринскаго полка; подъ первымъ изображеніемъ находилась на французскомъ языкѣ подпись—*Шамиль*, а подъ вторымъ и большими буквами—*Michel Brousset*; все было исполнено прекрасно.

Обстоятельство это насъ заинтриговало. Я вышелъ и обратился къ ротѣ, прося открыть мнѣ имя этого послѣдователя Рафаэля. На это обращеніе мнѣ отвѣтилъ одинъ молодой солдатъ: „это я, Ваше Высокоблагородіе, я французъ, мой отецъ—полковникъ временъ Имперіи, женился на очень богатой русской дѣвушкѣ, все состояніе которой заключается въ помѣстьяхъ; какъ иностранецъ, я не могу наследовать это имѣніе иначе, какъ сдѣлавшись русскимъ дворяниномъ, вотъ почему я здѣсь, и я долженъ торопиться убить Шамиля, такъ какъ тогда я навѣрно выслужу офицерское званіе, а если мнѣ это не удастся, то все состояніе моей матери достанется одному злему дядюшкѣ!“

Мнѣ это очень понравилось. Я полюбилъ Мишеля Бруссе и приютилъ его въ своей палаткѣ, гдѣ онъ обыкновенно спалъ, взявъ себя, вмѣсто подушки, подъ голову, мои большіе сапоги и конечно я бы способствовалъ ему взбѣсить его злого дядю, но, къ моему великому сожалѣнію, бѣдняга былъ убитъ; этимъ обыкновенно и кончаются всѣ необыкновенныя исторійки на Кавказѣ. Мишель Бруссе былъ одной изъ послѣднихъ жертвъ этой кампаніи, и его злой дядя выигралъ дѣло.

На слѣдующій день мы покинули берега Койсу и снова подъ прямымъ угломъ повернули направо. Отрядъ двигался глубокой долиной, и войска лѣваго и праваго прикрытій сопровождали колонну по обѣ стороны марша, двигаясь на разстояніи ружейнаго выстрѣла по самому гребню высотъ, окаймлявшихъ долину.

Таковъ былъ обычный порядокъ движенія для всѣхъ нашихъ отрядовъ на Кавказѣ, основанный на продолжительномъ опытѣ этой войны и установленный просвѣщеннымъ авторитетомъ величайшаго генерала, какой только когда-либо былъ на Кавказѣ, которому слѣдуетъ приписать все то, что составляетъ теорію веденія войны на Кавказѣ и ея примѣненія на практикѣ, равно всѣ порядки (сторожевые, походные и боевые) и самую систему веденія здѣсь операций,—все это установлено авторитетомъ генераль-лейтенанта *Алексыя Александровича Вельяминова*.

Подъ начальствомъ именно этого замѣчательнаго дѣятеля я имѣлъ честь начать мои первые шаги на боевомъ поприщѣ.

Генералъ Вельяминовъ принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые производятъ глубокое впечатлѣніе и оставляютъ неизгладимую о себѣ память. При жизни генералъ Вельяминовъ былъ мало любимъ какъ русскими, такъ и туземцами; онъ былъ весьма уважаемъ многими изъ нихъ, но всѣ одинаково его боялись; по его смерти всѣ чтутъ его память, и каждый стремится похвастать полученіемъ отъ него слова одобренія или поощренія, такъ какъ Вельяминовъ былъ очень скупъ на то и на другое.

До сихъ поръ еще вамъ укажутъ среди черкесъ субъекта, о которомъ при этомъ замѣтятъ: „онъ былъ другомъ Вельяминова“, и старый горецъ—гордъ этимъ титуломъ.

Прямой и искренній, съ чувствами благородными и возвышенными, съ умомъ сильнымъ и положительнымъ и непоколебимый во всемъ томъ, что онъ считалъ хорошимъ и справедливымъ, Вельяминовъ былъ созданъ по античному образцу. Эрудиція его была громадна; онъ все изучилъ, надо всѣмъ размыслилъ, и произведенія его пера служили образцомъ точности и военнаго изложенія ¹⁾).

Обладая живымъ и глубокимъ умомъ, не лишеннымъ иногда казуистики, Вельяминовъ, подъ вліяніемъ чтенія излюбленныхъ имъ предметовъ и авторовъ, пришелъ къ скептицизму; онъ представлялъ изъ себя одновременное сочетаніе философа XVIII-го вѣка и восточнаго паши-деспота.

Въ эпоху, въ которую я его зналъ, вся его жизнь, все его существованіе непрерывно и послѣдовательно въ теченіе цѣлыхъ 20-ти лѣтъ протекали и заключались единственно только въ условіяхъ кавказской боевой и походной службы.

¹⁾ Образцомъ изложенія Вельяминова можетъ послужить уже одно необычайно глубокое, ясное и образное опредѣленіе пониманія нами задачи покоренія Кавказа, и онъ говоритъ: „Кавказъ можно уподобить сильной крѣпости, чрезвычайно твердой по мѣстоположенію, искусно огражденной укрѣпленіями и обороняемой многочисленнымъ гарнизономъ. Одна только безразсудность можетъ предпринять эскаладу противъ такой крѣпости; благоразумный полководецъ увидитъ необходимость прибѣгнуть къ искусственнымъ средствамъ, заложить параллели, станеть подвигаться впередъ сапой, призоветъ на помощь мины и овладѣетъ крѣпостью. Такъ, по моему мнѣнію, должно поступать съ Кавказомъ, и если бы ходъ сей не былъ предварительно предначертанъ, дабы постоянно сообразоваться съ онымъ, то сущность вещей вынудитъ къ сему образу дѣйствій, только успѣхъ будетъ гораздо медленнѣе по причинѣ частыхъ уклоненій отъ истиннаго пути“. Изъ этого опредѣленія видно, насколько экспедиція 1845 года, да и вся борьба съ горцами послѣ Ермолова и до 1857 года расходилась съ идеями Вельяминова.

Привычка управлять людьми сообщила ему міровоззрѣніе, свойственное правителямъ высокаго положенія,—глубокое презрѣніе ко всему человѣчеству.

Полное отсутствіе женскаго общества и его личное одиночество (онъ оставался постоянно или одинъ самъ съ собой или былъ окруженъ людьми только съ цѣлью исполненія его воли) привело къ тому, что онъ очерствѣлъ сердцемъ, становясь подчасъ даже жестокимъ; если онъ и былъ когда-либо мягкосердеченъ и чувствителенъ, то эти качества у него скоро вывѣтрились подъ вліяніемъ условій непрестанной и непрерывной боевой и походной жизни ¹⁾.

Таковъ былъ Вельяминовъ—какъ человѣкъ.

Все хорошее на Кавказѣ—создано Вельяминовымъ; до сихъ поръ все еще обсуждаются намѣченные имъ проекты и, къ счастью, нѣкоторые изъ нихъ иногда приводятся въ исполненіе ²⁾.

Это онъ указалъ намъ систему и способы веденія войны въ этомъ краѣ, это онъ преподавалъ намъ принципы веденія здѣсь войны и указалъ ихъ примѣненіе и можетъ быть именно потому, что онъ самъ всегда слѣдовалъ этимъ принципамъ, онъ былъ здѣсь *единственнымъ генераломъ, никогда не испытавшимъ неудачи и всегда достигавшимъ разъ поставленной имъ цѣли* ³⁾.

Все это слѣдуетъ объяснить еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что никто лучше и основательнѣе его не постигнулъ свойствъ театра войны, особенностей условій веденія здѣсь войны и свойствъ и качествъ нашего здѣсь противника.

Также рѣшительно во всемъ обнаруживалъ онъ замѣчательный даръ находчивости (*esprit d'à-propos*), что особенно ярко проявлялось, каждый разъ, когда ему приходилось говорить, что впрочемъ бывало очень рѣдко.

Обыкновенно онъ былъ очень молчаливъ, невозмутимъ, очень лѣ-

¹⁾ Другой современникъ и близкій ему человѣкъ въ своихъ воспоминаніяхъ приводитъ случаи проявленія Вельяминовымъ добраго сердца, но эти проявленія были глубоко скрыты его угрюмой и непроницаемой внѣшностью.
Б. Кол.—з.

²⁾ Прямодушный Бенкендорфъ все же здѣсь деликатно щадитъ и создателей плана 1845-го года и его исполнителей, въ душѣ раздѣляя идеи Вельяминова, бывшаго для него большимъ авторитетомъ; вообще авторъ воспоминаній избѣгаетъ осужденій, и таковыя съ трудомъ читаются между строчками.
Б. К.

³⁾ Любопытнымъ въ этомъ отношеніи образчикомъ настойчивости и искусства Вельяминова служитъ эпизодъ похода въ Чечнѣ въ 1832-мъ году, когда Вельяминовъ рѣшилъ вернуть обратно потерянные нами орудія, запряганные въ трущобахъ Чечни, что блистательно и исполнилъ.
Б. К.

нивѣ въ движеніяхъ, и ничто не могло его вывести изъ неизмѣнно присущаго ему хладнокровія ¹⁾).

Это Вельяминову обязанъ Ермоловъ своею славой ²⁾, Паскевичъ— побѣдой при Елизаветполѣ ³⁾ и баронъ Розенъ блистательнымъ окончаніемъ экспедиціи 1832-го года ⁴⁾).

Все преклонялось на Кавказѣ передъ „рыжимъ генераломъ“ (генераломъ плижеръ), какъ называли его горцы.

Не пользуясь любовью войскъ, Вельяминовъ за то пользовался неизмѣнно ихъ безграничнымъ довѣріемъ.

На Кавказѣ Вельяминовъ былъ послѣднимъ представителемъ той плеяды нашихъ здѣсь генераловъ, которые окружали себя ореоломъ внушенія паническаго ужаса и потрясенія,—источникъ всякой силы въ Азіи и чему въ царствованіе Екатерины II-ой мы главнымъ образомъ и обязаны легкостью нашихъ успѣховъ на Востокѣ и незначительности нашихъ потерь въ людяхъ, потерь совершенно ничтожныхъ, сравнительно съ полученными результатами. Превосходство духа было всегда на нашей сторонѣ, и въ глазахъ нашихъ враговъ каждый русскій казался гигантомъ.

Обратимся къ исходному пункту разсказа, къ порядку нашего марша, который представляетъ одновременно и боевой порядокъ, основную идею котораго передадимъ въ двухъ словахъ. Санитарный обозъ (вообще обозы) располагается въ центрѣ общаго прямоугольника (каре), размѣры котораго естественно и неизбежно будутъ различны въ каждомъ частномъ случаѣ, при постоянномъ однако

¹⁾ Эту правдивую и превосходную характеристику слѣдуетъ поставить въ большую заслугу графу Бенкендорфу. Много на эту тему разсказываютъ баронъ Торнау и Филипсонъ. Б. К.

²⁾ Какъ ни кажется это заключеніе смѣлымъ и увлеченіемъ, но въ немъ большая доля справедливости; дружба Ермолова съ Вельяминовымъ и объясняется однородностью ихъ понятій, возрѣній и склада ума.

³⁾ Это справедливо. Здѣсь Ермоловъ показалъ много благородства и великодушія, давъ Вельяминова своему врагу и тайному замѣстителю—Паскевичу. Какъ извѣстно, Паскевичъ уже приказалъ отступать, и только авторитетъ и твердость Вельяминова удержали это пагубное отступленіе. Здѣсь войска слушались только Вельяминова. Б. К.

⁴⁾ Не только блистательнымъ окончаніемъ похода въ Дагестанъ—взятіемъ Гимръ и смертью имама Кази-муллы, но и предварительной экспедиціею въ Чечню, гдѣ таланты Вельяминова проявились не менѣе ярко и гдѣ, въ этомъ году, Вельяминовъ съ ничтожными потерями прошелъ черезъ всю Большую Чечню къ Дарго, Беною, Гурдали и др. ауламъ, т. е. какъ разъ тамъ, гдѣ въ описываемомъ Бенкендорфомъ походѣ шель бѣдственный отрядъ графа Воронцова, понесшій неслыханныя потери.

Б. Кол—ъ.

стремленія возможной сплоченности расположенія обозовъ и войскъ; дабы каре это не вышло растянутымъ.

Четыре фаса этого каре, на дальность ружейнаго выстрѣла отъ колонны, занимаются спеціально войсками, назначенными для охраненія колонны на маршѣ.

Аріергардъ составляетъ основаніе для всѣхъ войскъ охраненія, такъ какъ онъ представляетъ часть, наиболѣе тревожимую непріателемъ, почему на немъ сосредоточивается все вниманіе и съ его движеніемъ и дѣйствіями сообразуются движенія, и дѣйствія всѣхъ остальныхъ частей колонны (и, что особенно важно, и авангардъ).

Авангардъ сообразуетъ свое движеніе съ движеніемъ колонны и продвигается впередъ только при условіи достиженія передовыми частями колонны высоты движенія этого авангарда, и каждый разъ, когда движеніе колонны пріостанавливается и передовыя ея части не показываются, то движеніе авангарда пріостанавливается; въ этомъ заключается единственный способъ сохраненія порядка движенія.

Понятно, что при подобныхъ условіяхъ движенія оно было медленно и, напримѣръ, Вельяминовъ, зачастую, дѣлалъ въ сутки не болѣе 6-ти верстъ, но зато не было примѣра, чтобы фасы его каре были когда-либо прорываемы (не говоря уже о ничтожныхъ у него потеряхъ). Но, тѣмъ не менѣе, въ частныхъ случаяхъ, напримѣръ, когда приходилось преслѣдовать противника, показавшагося передъ нашей оборонительной линіею, или въ цѣляхъ—отрѣзать ему отступленіе, то Вельяминовъ двигался съ той же быстротой, какъ и другіе ¹⁾).

Въ этотъ день предусматривалась ружейная перестрѣлка въ нашей правой цѣпи, на высотахъ весьма пересѣченныхъ и частью лѣсистыхъ, а потому всѣ три баталіона Куринскаго полка были назначены въ правую цѣпь и мой баталіонъ своимъ правымъ флангомъ касался аріергарда.

Такъ какъ я говорю о тактикѣ, то необходимо войти въ подробности боевого порядка, котораго мы держались, прикрывая каре

¹⁾ Движенія Вельяминова происходили обыкновенно въ большемъ порядкѣ, и онъ не любилъ торопливости, порождавшей суету и замѣшательства, тѣмъ болѣе, что противникъ, будучи обыкновенно слабо обезпеченъ продовольствіемъ, тяготился затяжкой движенія и боя, а получая всюду хорошій отпоръ, скоро падалъ духомъ. Иногда Вельяминовъ нарочно долго стоялъ на мѣстѣ, ничего не предпринимая, и когда его вызывали на движеніе или бой, говаривалъ: „интендантъ у него плохой, какъ поѣдятъ свое пшено, да чужихъ барановъ, такъ съ голоду разойдутся“. *Б. К—нъ.*

войсками правой и лѣвой цѣпи. Смотря по численности отряда и свойству мѣстности, баталіоны или роты обрамляли отрядъ съ обѣихъ сторонъ боевыми линіями (участками), которыя, въ свою очередь, прикрывались боевыми цѣпями со взводами въ поддержкахъ. По уставу, звено цѣпи состояло изъ 2-хъ человѣкъ стрѣлковъ, обязанныхъ возможной взаимной поддержкой.

Въ войнахъ, подобно кавказской, полныхъ случайностей, 2-хъ человѣкъ въ звенѣ совершенно недостаточно. При первомъ же столкновеніи, одинъ изъ нихъ бывалъ обыкновенно убитъ, другой бѣжалъ или тоже бывалъ убитъ и цѣпь бывала прорвана прежде, чѣмъ резервъ могъ ее поддержать.

Еще въ Венсенѣ, у орлеанскихъ стрѣлковъ, организація и маневрированіе которыхъ были построены на опытѣ почти подобномъ кавказской войнѣ, я обратилъ вниманіе на звено ихъ цѣпи въ 4 человѣка, что я нашелъ правильнымъ. У насъ же, на Кавказѣ, для звена мало и 4-хъ человѣкъ, вотъ почему, въ послѣдніе годы, и главнымъ образомъ по указанію генерала Фрейтага, лучшаго знатска этого дѣла, испытаннаго въ походахъ въ Чечнѣ, — всюду было установлено имѣть звено въ составѣ взвода численностью въ 20—30 человѣкъ, подъ командой офицера или унтеръ-офицера, съ придачею ему горниста (сигналиста). Звено подобной численности обладало уже достаточной силой сопротивленія, смѣло могло подчасъ и бросаться на замѣченнаго противника и, наконецъ, ему уже, въ полномъ смыслѣ слова, можно было довѣрить и поручить извѣстный боевой участокъ.

Эти взводы не должны только терять другъ друга изъ вида, внимательно выбирать себѣ при расположеніи на мѣстѣ пункты, бмѣющіе тактическое значеніе, и сообразоваться другъ съ другомъ при всѣхъ передвиженіяхъ (преслѣдуя взаимную поддержку).

Въ подобныхъ условіяхъ, въ войскахъ цѣпи росла нравственная увѣренность, такъ какъ они видѣли, что они окружены и поддержаны своими, а противникъ утрачивалъ свою смѣлость.

Такимъ образомъ, резюмируя сказанное, замѣтимъ, что баталіоны и роты (составлявшія боковыя цѣпи) были раздѣлены на группы—взводы, слѣдовавшіе, или въ шахматномъ по отношенію другъ друга порядкѣ, или же въ затылокъ другъ другу.

Сообщилъ Б. М. Колубакинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

